

Николай ВОРОНОВ

Потаенный Шолохов

> Молодость для русского писателя – заоблачный взлет дарования

СЕГОДНЯ мы начинаем публикацию эссе, которое Николай Павлович Воронов посвятил классику русской и советской литературы, Герою Социалистического Труда, лауреату Нобелевской премии по литературе. Ее Михаил Александрович Шолохов получил в 1965 году за художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время. Эссе было написано в 1998 году к 70-летию выхода двух книг «Тихого Дона».

Рукопись из сундучка

Недоброжелательство изнутри никак не уймёт своего беснования против всемирно известного писателя Михаила Александровича Шолохова. Семьдесят лет, со времени публикации двух книг романа «Тихий Дон», непоколебим в литературе земного шара великий наш русский писатель, но по-прежнему продолжают попытки его развенчать.

Полвека тому назад, когда я начинал учиться в Литературном институте им. А. М. Горького, впервые меня зацепила молва о том, якобы Шолохов воспользовался для первой книги «Тихого Дона» рукописью начальника штаба армии батьки Махно. Тогда же высказывалась другая версия о происхождении загадочной рукописи: с конным продотрядом юный Миша Шолохов челночил по донской сельщине, на продотряд напали белогвардейцы. Как в первом случае, так и во втором Шолохову досталась добыча: сундучок с записями и документами. Имела хождение и третья версия: сундучок, принадлежавший прозаику из казаков (сперва фамилия не называлась, гораздо позже стали называть Федора Крюкова), был оставлен хозяином на сохранность станичному атаману, будущему тестю Михаила Александровича. Офицер умер от ран, и атаман отдал своему зятю за дочерью Марией Петровной сундучок, полный рукописей. После публикации двух книг «Тихого Дона» в ростовской газете было напечатано письмо дочери покойного офицера, которая обвиняла Михаила Шолохова в том, что он воспользовался рукописями ее отца.

Сталин пристально следил за литературным процессом в стране. Поскольку Шолохов отметал заимствования, вождем посоветовал ему для защиты собственного творческого авторитета написать роман на материале современной деревни.

Титаническая задача

Первая и вторая книги «Тихого Дона» вышли в 1928 году, первая книга «Поднятой целины» увидела свет через четыре года. Талант, обнаруженный Михаилом Шолоховым в вынужденном произведении, не уронил величия и весьма доказательно сработал. То, что прозаик, он же и поэт – в гоголевском понимании, был вынужден двигаться по следам многосложных, исхитренно-драматических и трагических, не осознанных обществом событий, заставляло его соскальзывать к натурному письму в построении вещи, в подаче героев и стиле, ослабило эстетическую целостность (очерковость, длинноты), но укрепило могучим образом читательскую тягу к нему. Нет сомнения, он спешил, чтобы продолжить эпопею о взорванной издревле сложившейся жизни на его родине, мало похожей на ту, которая отворилась всеохватным сокрушающим сдвигом. Было одно бытие; насильственно, в стихийной

слепоте, среди океана крови возникало другое. Задача была титаническая: почти не было романов, кроме романа Максима Горького «Клим Самгин», о сломе одной исторически сложившейся эпохи ради пришествия новой, одухотворенной мечтой о грядущем общенародном счастье.

Высокая художественность «Поднятой целины», широта ее успеха, обусловленная проявлением громадного комедийного дарования, пожалуй, уровня Гоголя и Чехова, заглушили выдвигаемое против Шолохова обвинение.

К началу моего обучения в Литературном институте, 1948 год, возникла новая накат на Михаила Шолохова, однако мне несложно было устоять под ударами этих волн, подталкивающих психологию к легковерности, завистничеству и презрению знаменитого у народа писателя, будто бы имевшего открытый счет в государственном банке: бери денег, сколько заблагорассудится, покупай что угодно.

В эту же самую пору в Москве жвильялась огулом среди литераторов беззастенчивая клевета на Максима Горького, всемирность которого была выверенной, капитальной и устойчивой, чем шолоховская, каковую, разумеется, необходимо было подзамуровать, чтобы она не достигла всемирности Тургенева, Толстого, Достоевского... Как-то на перерыве между лекциями подошел ко мне сокурсник и спросил:

- Горького читал?
- Читал.

– Ты ведь из рабочих. Роман «Мать» боготворишь?

– Отношусь сретне, как говорят башкиры.

- Похвально.

Сокурсник пописывал пьески, с ходу принялся хулить драматургию Горького: и однозначна она, и не сценична, и заузна, и выпрэнна, ходули вместо

образности. В столице я сделал огорчительное открытие не только в студенческой, но и в профессиональной литературной среде: злобные нападки на произведения больших писателей исходят, как правило, от сочинителей скудной одаренности, да к тому же ничтожной начитанности. Я возмущился и прибегнул к безотказному учительскому спросу. Ты-де критикуешь, не зная. Понятно, он изобразил своим красивым лицом оскорбленность энциклопедиста.

Вождем читл певца Дона

Тут я ему в самоуверенную башку всаживаю гвоздевой вопрос: «Васса Железнова, она про что?» Верть-круть, ан опаскудился. И «Дачников» он не знал, и «Детей солнца», и «Егора Булычева и других», даже «На дне» плохо знал, хотя и проходил в школе. Так как я прищучил его, но он из породы людей, которые и разбитые рвутся к непобедимости, и говорит: «Кого ты защищаешь? Графомана. Горький – графоман». И ссылается на прославленного писателя, претендующего на универсальность, на Корнея Чуковского: он и литературовед, и критик, и прозаик, и лингвист, и переводчик. Но отличился в основном как детский писатель, благодаря хватким заимствованиям у иностранных поэтов, о которых не подозревало большинство читателей и писателей из-за вакуума, образовавшегося в мире полиглотов после Октября, гражданской войны, изгнания напором и уловками Льва Троцкого ученой и литературной элиты. Позже мне довелось прослушать годичный курс Чуковского, посвященный поэту Николаю Некрасову; общаться с ним, слушать его неиссякаемые анализы, даваемые главным русским прозаикам, и всем из них, включая классиков, он давал отлуп в творческой и человеческой истинности. Верно,

Михаила Шолохова он не задевал, вполне вероятно, страшился, что изничтожительные высказывания дойдут до Сталина, читавшего певца Дона, а одобрительных слов не находил в запасниках образованной недоброжелательством души...

Девяностолетию Михаила Шолохова были посвящены чтения в институте Мировой литературы имени А. М. Горького. Председательствовал на чтениях исследователь «Тихого Дона» критик Виктор Петелин. Среди иностранных гостей выделялся крупный знаток литературного наследия Шолохова норвежский профессор Гейер Кьетсо. Для Нобелевского комитета он провел анализ прозы Шолохова с применением компьютерных исследований. Ответ сложился цельный: у всех произведений, подвергнутых анализу, один-единственный автор.

Истина, достигнутая Гейером Кьетсо, доказательно выявляла себя, когда он докладывал участникам чтений о проведенных им структурных исследованиях. Вопросы, которые ему задавали, реплики из зала навели профессора на прискорбное впечатление: большая часть аудитории враждебна его объективному выводу. Он ждал торжества со стороны соотечественников нобелевского лауреата, а напарывался на предубеждение и ненавистничество.

Заоблачный взлет дарования

Гейер Кьетсо не выдержал и с гневом сказал об этом. Усостил ли он кого-то из зоологических злыдней не только русского гения, но и планетарного? Не станем наивничать. Нашелся нелюдь, кто прислал к восьмидесятилетию Льва Толстого, сверхгения человечества, веревочную петлю. Заурядность издревле насыщается и крепнет палаческим скудоумием.

Пора усвоить лжеречивцам, что молодость для русского писателя – заоблачный взлет дарования. А Пушкин, «Вольность. Ода», «К Чаадаеву», «Деревня», 18–20 лет; М. Лермонтов,

«Герой нашего времени», 25 лет; Н. Гоголь, книга повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», 22–23 года; А. Бестужев-Марлинский «Взгляд на старую и новую словесность в России»; «Роман и Ольга», «Замок Венден», 26 лет; Н. Карамзин, повесть «Бедная Лиза», 26 лет; Ершов, сказка в стихах «Конек-Горбунок», 19 лет; Ф. Достоевский, роман «Бедные люди», 25 лет; А. Куприн, повести «Молох», «Олеся», 26–28 лет; А. Платонов, повести «Епифанские шлозы», «Сокровенный человек», 28–29 лет; Павел Васильев, поэмы «Повесть о гибели казачьего войска», 18–22 года, расстрелян в 27 лет; Б. Пастернак, сборник стихов «Близнец в тучах», 24 года; Яшин, книга стихов «Северянка», 25 лет; А. Твардовский, поэма «Страна Муравия», 26 лет.

И другой сногшибательный аргумент рвущихся отобрать «Тихий Дон» у Шолохова: он-де малограмотен, окончил всего четыре класса, и потому не мог знать общероссийских событий истории, которые использованы в романе. Какое чудосочное склонение к школьной грамотности, словно он не был современником этих событий, не встречался с теми, кто в них участвовал, не отличался начитанностью. Познание, доступное великанам, океанично: как океаны вбирают воды рек, так великаны всепоглочительно вбирают свойства и подробности истории и действительности. Гений вулканичен. Его материалом и подспорьями являются извлечения

из огненных недр личности, народов, природы. В анкетных данных об образовании гении не нуждаются. У нас, между прочим, и к неудовольствию априорных неприятелей Шолохова, есть другой нобелевский лауреат, тоже четырехклассник и опять же академик: Иван Бунин.

Теперь, когда глухо шкандыбают навет, что Шолохов будто бы позаимствовал первую-вторую книги «Тихого Дона» у Федора Крюкова, все-таки нелишне опереться на некоторые умы холодные, притом достойные наблюдения. Алексей Иванович Кондратович – критик, литературовед, прозаик, друг и соратник Александра Твардовского, замещавший его в журнале «Новый мир» (заместительство Кондратовича было обложено бессмысленным доверием великого поэта и редактора), прочитал в Ленинской библиотеке все, написанное Крюковым, чтобы выверить, справедливо ли обвинение в адрес Шолохова. И он ответил сам себе и сказал своей жене Вере Александровне: несправедливо. Я всецело полагаюсь на мнение Кондратовича, ибо он обладал необычайным эстетическим восприятием: вкус к стилю у него был поразительно многооттеночным, так дегустатор оценивает качество вина. В отличие от Алексея Кондратовича я не испытывал потребности проверить Шолохова. Однако в том, что я читал у Федора Крюкова, я обнаружил интонационные признаки, перешедшие в произведения Шолохова, что вовсе не смущало меня: ведь я давненько выявил для себя, что Александр Бестужев-Марлинский наделил мелодикой своей прозы трех гигантов: Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого.

Гомеровский вопрос

Кощунственная утка о плагиате рассыпается в прах, когда читатель знаком с вещами творца. Для проницательной оценки Шолохова достаточно знать романы «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Они – свидетельство его поруковетки яркой художественности, самостоятельности почерка, неуязвимости человеческих характеров, обретших под его пером такую внешнюю и внутреннюю законченность, что они существуют среди нас поистине живые: Григорий Мелехов, Аксинья, Мишка Кошевой,

Щукарь, Лушка, Давыдов, Нагульнов. Чудо смехотворности – Щукарь! Он существует среди нас подобно тому, как Гаргантюа Рабле, Дон-Кихот Сервантеса, Скалозуб Грибоедова, Манилов Гоголя, Левша Лескова, Теркин Твардовского.

Шолоховский вопрос: о «Тихом Доне» сродни гомеровскому вопросу о поэмах «Илиада» и «Одиссея». И хотя Гомер воспользовался богатством отточенных народной фантазией мифов, многовековые споры привели исследователей к авторству Гомера, выявленному единством замысла, поэтики, построения, движением сюжета и легкой характеров в каждой из поэм. У Шолохова не было столь огромного изумительной законченности фольклорного материала для «Тихого Дона». Подспорьем ему оказалась потрясающей насыщенности собственная судьба, судьба родни, истории современников, заглубленные в прошлое, их устные и письменные свидетельства и, конечно же, язык казачьего края – язык необозримой красоты, мудрости, всезапечатлевающей музыки национально-души

Продолжение следует

> Сталин посоветовал Шолохову для защиты собственного творческого авторитета написать роман о современной деревне